

ОНЛАЙН-СЕКЦИЯ ПЛАТОНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

И.И. Епифанов

Московский государственный университет

«КТО НЕ ПОДАСТ ИЗ ХРИСТИАН СТРАЖДУЩЕМУ РУКУ ПОМОЩИ»: БЛАГОЧЕСТИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Е. Я. БЕРЕЗИНОЙ)

Благочестие — это не только религиозная, но и нравственная категория, универсальное явление общечеловеческого опыта [1]. Такое понимание позволяет широко трактовать это понятие и объединять им различные по своему характеру поступки человека. В то же время следование этой добродетели имеет как внешние (в виде исполнения определенных предписаний), так и внутренние (в виде усвоения определенного набора норм поведения и готовности им следовать) проявления. И если внешние поступки для стороннего наблюдателя могут выглядеть одинаково, это не отменяет их возможной внутренней вариативности.

Последнее связано с тем, что каждая культурная традиция формирует собственное представление о благочестии, о нравственном долге, наполняет эти представления определенными дисциплинарными практиками, которые призваны их поддержать, идеями о том, кому должна (или не должна) оказываться помощь и т. д. Поэтому у представителей разных культурных традиций может быть разная мотивация совершать поступки, которые внешне будут выглядеть одинаково и восприниматься благочестивыми. Особенно актуальна эта идея для России второй половины XVIII в., где наблюдалось тесное взаимодействие допетровской православной традиции и идей европейского Просвещения, каждая из которых предлагала свой взгляд на благочестие, а представители дворянского сословия сосуществовали в рамках обоих культурных моделей.

На мой взгляд, это хорошо отразилось в воспоминаниях Елизаветы Яковлевны Березиной (1794 — ? гг.), опубликованных в 1894 г. в журнале «Исторический вестник» [2]. Они повествуют о жизни ее матери — Пелагеи Борисовны Ратковой (1774–1815 гг.), причем по большей части о ее жизни в замужестве (ее муж — офицер Яков Петрович Ратков). Стоит сразу отметить, что жизнь супругов проходила не в столичной среде: Пелагея Борисовна была родом из-под Оренбурга, затем семья переезжала по месту службы Якова Петровича, затем был период ссылки, после которой они поселились в Тверской губернии.

Все повествование наполнено случаями оказания помощи. Самый яркий из них связан с поведением Пелагеи Борисовны, когда ей пришлось

ослушаться монаршей воли. После прихода к власти Павла I Яков Петрович был лишен звания и сослан в Березовск. При этом его жена с двумя дочерьми оставалась в Вильне. Сначала она пыталась просить императора о помиловании и два раза передавала ему прошения. Однако Павел I отказал ей, разрешив при этом выйти замуж повторно, и запретил выезжать из города. Тогда она решилась ехать к мужу и при этом взять с собой детей. Такой поступок, обеспечивший ей тяготы пути и подорванное здоровье, впечатлил даже коменданта поселения ссыльных, который пропустил женщину с детьми к мужу со словами «Бог вознаградит Вас и утешит, милостивая сударыня, за верность и доказанную любовь в несчастьи к супругу» [2, с. 687]. В ссылке с мужем она провела несколько лет до восшествия на престол императора Александра I и амнистии.

Итак, Пелагея Борисовна готова к самопожертвованию ради своего ближнего: она готова переступить закон, послушаться предписания монарха, отправиться в дальний путь одной с детьми, жить вместе с ссыльными, разделяя тяготы своего мужа. Эти поступки, как представляется, обусловлены православной традицией, где человек призывается к самопожертвованию и самоуничтожению ради помощи страждущему. Истоки этой практики лежат в кенозисе Иисуса Христа, который принес себя в жертву ради спасения человечества. Неслучайно апостол Павел писал в послании к галатам: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Это объясняет ту готовность страдать ради счастья ближнего, продиктованную именно любовью и состраданием к нему, а не рациональными доводами (напротив, это поведение иррационально), которую демонстрирует Пелагея Борисовна Раткова.

На этом фоне хорошо представить другой вариант благочестивого поведения, который реализовывался окружающими Ратковых персонажами — дворянами-офицерами, сослуживцами Якова Петровича. Так, когда Пелагея Борисовна решилась ехать в ссылку за мужем, они собрали деньги ей и дочерям на дорогу: в воспоминаниях это называется «пособием от общества» [1, с. 686]. Эти действия не требовали от людей самопожертвования или самоуничтожения, не грозили им неприятностями. Напротив, сначала офицеры пытались отговорить Пелагею Борисовну от задуманного, считая это безумием. Но затем проявили сострадание к семье попавшего в беду сослуживца. В этом типе поведения (без сомнения благочестивом) чувствуется столь характерный для эпохи Просвещения рационализм, который кардинально отличает мотивацию офицеров от мотивации Пелагеи Борисовны.

Таким образом, воспоминания Е.Я. Березиной содержат в себе описание разных по своей природе поступков, связанных с помощью нуждающимся. С одной стороны, они — результат рационально выстроенного целеполагания, готовности помочь материально, но без личного участия в страданиях другого человека. С другой стороны, помощь обусловлена же-

лением личного соучастия в судьбе страждущего, готовностью к самоуничтожению ради его блага, поэтому она предстает результатом душевного порыва. Это говорит о существовавшей вариативности моделей благочестивого поведения в дворянской среде второй половины XVIII в.

Библиографический список

1. Благочестие // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/149337.html> (дата обращения: 20.11.2025)
2. Березина Е.Я. Жизнь моей матери, или судьбы Провидения // Исторический вестник, № 12, 1894.

Д.Д. Разуваев

Пензенский государственный университет

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧИНОВНИКОВ ПЕНЗЕНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (1780-1796 ГГ.) В СОЧИНЕНИЯХ КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА

Автобиографическое сочинение «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...» [1] князя И.М. Долгорукова (1764-1823 гг.), представителя одного из старейших московских дворянских родов, исполнявшего в 1791-1796 гг. должность вице-губернатора Пензенского наместничества (1780-1796 гг.), по своему содержанию является уникальным историческим источником личного происхождения. Автор данного произведения, находясь в течение 5-летнего срока при второй по значимости должности в административном аппарате региона, запечатлел в своем произведении личные наблюдения, касающиеся в том числе особенностей профессиональной культуры высших слоев гражданского чиновничества.

В рамках данного исследования под чиновничеством (бюрократией) понимается социальный слой профессиональных государственных управляющих, которые включены в организационные структуры, обладающие четкой иерархией [2, с. 210]. Под профессиональной культурой чиновничества понимается комплекс ценностей и норм служебного поведения, разделяемых государственными служащими и обуславливающих черты их должностной деятельности [3, с. 22].

И.М. Долгоруков отмечает, что на карьерную судьбу верхушки гражданских служащих Пензенского наместничества оказывала существенное влияние система родственных отношений покровительства, пронизывающая дворянское сословие [1, с. 257, 349]. Родственный протекторат же являлся и важным фактором, определяющим практики должностного поведения служащих: так, Н. И. Прокудин, директор экономии местной Казенной палаты, совершавший по службе должностное преступление (воровство), поскольку имел покровительство со стороны обер-прокурора Сената А.Н. Зубова, по-